

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 82–92, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-82-92
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 902

Revisiting the Role of the Oka-Sura Interfluve in the Ethnopolitical System of Eastern Europe: the Latter Half of 1st – First Third of the 2nd Millennia AD

Evgeni N. Kemaev ¹

¹ Research Associate, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the role of the Oka and Sura River valleys in the ethnopolitical system of Eastern Europe in the latter half of the 1st – first third of the 2nd millennia AD. With evidence from summarized written sources available, materials of archaeological surveys and historiographic works, the paper highlights the periods in the history of the Mordvins when relatively stable relations in political, economic and ethnocultural spheres prevailed which determined the ways of historical process in the region under consideration.

The Oka and Sura River valleys are historical homelands of the Mordvins. It has been discovered that during the considered period, the Mordvinic tribes were directly or indirectly influenced by most significant political processes of that time. The main events of the Migration Period (up to the 7th–8th centuries AD) took place relatively far away, but the bulk of massive relocations of ancient populations affected trade and economic relations, boosting minor interregional migrations. The analysis of materials of archaeological surveys concludes that there was some activation of migration processes in the Oka-Sura Interfluve.

In the 8th–10th cc. AD, the crucial impact on the life of the region was being made by the Khazar Khaganate, and the Mordvinic tribes were politically subjugated by the state. That was reflected in trade, ethnocultural and supposedly political relations which is confirmed by multiple archaeological data, such as adornments, amulets, weapons, and horse accessories found in Mordvinic burial sites.

In the 11th–13th cc. AD, the Oka-Sura Interfluve became a battlefield for the two major states with opposing political orientations — Russian principalities and Volga Bulgaria — that proved a key factor in the formation of the two Mordvinic sub-ethnic groups — Moksha and Erzya.

In view of frequent armed hostilities in the territory of the region, there appeared regular military units and defensive fortifications, but no independent state with corresponding administrative mechanisms of coercion was developed.

Keywords: Mordvinic tribes, Oka-Sura Interfluve, Migration Period, Khazar Khaganate, Russian principalities, Volga Bulgaria.

Окско-Сурское междуречье является исторической родиной мордвы. Именно на данной территории происходили процессы этногенеза и прошли ранние этапы этнического развития мордвы. Данный период истории мордовского народа крайне скудно освещен в письменных источниках. Основная масса сведений для его научной реконструкции черпается в рамках археологических изысканий. Наряду с этим, как представляется, наиболее перспективным методом исследований в данной области является комплексный подход, основанный на совместном анализе обеих групп источников. В каждой из областей накоплены богатые исследовательские традиции, однако зачастую в отрыве друг от друга они не позволяют охватить должный перечень вопросов, и научные разработки, как правило, фокусируются на весьма локальных тематиках. Исходя из нынешней историографической ситуации назрела необходимость обобщения имеющихся данных по древней и средневековой истории мордвы, определения основных периодов ее истории от происхождения (фиксируется исключительно по археологическим данным) до зарождения предпосылок сложения раннего-сударственных образований (имеется определенный объем нарративных источников), когда естественный ход ее эволюционного развития был прерван монголо-татарским нашествием.

История любого социума всегда определяется условиями, в которых происходит его развитие. Географическая среда, контакты с окружающими народами, степень вовлеченности в глобальные исторические процессы зачастую выступают в роли определяющих векторов этнического, экономического, социального, идеологического генезиса. В данной связи следует обратиться к динамике этнополитического развития Восточноевропейского региона, определить его основные этапы и место в них Окско-Сурского междуречья.

Основные признаки древнемордовской культуры складываются уже к III в. н. э. С этого времени можно говорить о мордве как об этнокультурной общности. Свидетельством этого, к примеру, являются характерные женские украшения (своего рода этнические маркеры — женские височные подвески в виде стержня со спиралькой на одном конце и грузиком на другом). По справедливому замечанию И. В. Белоцер-

ковской, женский головной убор в древности представлял собой явление консервативно-традиционное, связанное с целым спектром идеологических, в том числе религиозных, представлений. Поэтому случайное заимствование отдельных его элементов и включение их в племенной наряд иной группы населения с иными религиозными воззрениями были невозможны [Белоцерковская 1999: 42]. Поэтому наличие данной категории сопроводительного инвентаря позволяет с полной уверенностью определять принадлежность древних погребений.

Картографический анализ позволяет выделить по крайней мере три территориально-хронологические группы древнемордовских могильников, которые располагались в верховьях Суры и Мокши, в бассейне Теши, в нижнем течении Суры. Обозначенный ареал расселения не претерпевал существенных изменений вплоть до VII в. и рубежа VII–VIII вв. н. э. В низовьях Мокши мордовские племена граничили с родственным финноязычным населением рязано-окской археологической культуры. Восточными соседями были именковские племена (Среднее Посурье), их этническая принадлежность носит дискуссионный характер (угро-мадьяры, тюрки, славяне) [Шитов 2000: 53–54].

На данном хронологическом отрезке рассмотрение археологических материалов позволяет говорить о весьма существенной вариативности форм погребальной обрядности (речь в первую очередь идет о разнообразии вариантов ориентировок погребенных по сторонам света) и определенных отличиях в материальной культуре. Имеются основания утверждать, что на пестроту вариантов обряда совершения захоронений повлияли патронимические (родовые) особенности, которые, несомненно, преобладали над общеплеменными на ранней стадии сложения населения, составившего ранние мордовские могильники. Вместе с тем общность культуры, принадлежность к одному этносу не вызывают возражений исследователей [Вихляев 2008: 75–78; Гришаков 2008: 99–105].

Следует полагать, что племена Сурско-Мокшанского междуречья неслучайно в письменных источниках впервые фиксируются под единым именем *Mordens*. Упоминание данного этнонима готским историком Иорданом приобрело хрестоматийный

характер. Труд «О происхождении и деяниях гетов», написанный в середине VI в. н. э., повествует о событиях эпохи Великого переселения народов. За четыре столетия с IV по VII в. в результате масштабных миграционных процессов, охвативших практически весь Европейский континент, кардинально преобразовавших его этнокультурный и политический облик, сложилась современная система соотношения наиболее крупных этнических массивов.

Германские племена готов, прародиной которых является Скандинавия, в начале нашей эры заняли южное побережье Балтийского моря, в III в. н. э. они мигрировали далее в южном направлении и достигли северного побережья Черного Моря, где к IV в. н. э. смогли подчинить своей власти весьма обширный конгломерат местных племен. Особый интерес представляет включение Иорданом мордвы в перечень народов, подчиненных готскому королю Германариху: «Через некоторое время после кончины готского кроля Гебериха царская власть перешла к знатнейшему представителю анаров Германариху, покорившему много воинственных северных народов и заставившему их подчиняться своим законам. Некоторые из наших предков справедливо сравнивали его с Александром Македонским. Под державою его находились следующие народы: голтескифы, тиудыинаунксис, вазиабронки, меренс, морденс, имнискарнсы, роги, тадзаны, анаулы, навего, бубугены, колды» [Документы ... 1940: 19–20].

Упоминание мордвы демонстрирует то, что данный народ был известен далеко за пределами своего проживания, что в свою очередь косвенно свидетельствует о значительной его численности и, вероятно, об участии в торгово-экономических связях того времени. Довольно сложно судить, знал ли автор «Происхождения и деяний гетов» точную территорию проживания мордвы. Факт подчинения ее Германарихом также является весьма спорным.

Представляет интерес вариант решения данного вопроса, который был предложен В. В. Ставицким. Проанализировав распространение изделий с выемчатыми эмальями (относящихся к кругу западных импортов) на рязано-окских и древнемордовских памятниках, исследователь пришел к выводу о том, что данные находки являются свидетельством весьма тесной связи Окско-Сур-

ского междуречья с общими тенденциями развития народов Восточно-Европейской равнины на рубеже эпохи Великого переселения народов. В частности, М. М. Казанским на базе картографирования находок предметов, характерных для памятников черняховской культуры, носителями которой были готы и другие народы державы Германариха, установлено, что вне основного ареала черняховских памятников — на территории Оки и Волги фиксируется концентрация вещей черняховского типа. Причем она заметно отличается от картины распространения римских импортов, равномерно рассредоточенных по территории лесной полосы. По мнению исследователя, данное обстоятельство может выступать свидетельством связи Окско-Сурского междуречья (вплоть до его центральной части) с районами политической активности Германариха [Ставицкий 2012: 36].

В целом принимая данную гипотезу Н. Казанского, В. В. Ставицкий вносит в нее определенные корректировки. В частности, отмечается, что влияние готского государства с наибольшей степенью вероятности следует ограничить областью верхнего и среднего течения Оки, а предметы «западноевропейского происхождения» на обозначенной территории могли появиться вследствие участия населения данного региона в готских походах в качестве союзников. Этноним *Mordens* у Иордана исследователь относит к родственному мордве финноязычному населению культуры рязано-окских могильников [Ставицкий 2012: 37–38].

Исходя из имеющегося объема письменных источников, невозможно определить, к какой именно группе населения был применен вышеупомянутый этноним. По всей видимости, для иноэтничного населения различия в культуре мордвы и рязано-окского населения были несущественными. Наряду с тем с достаточной долей уверенности можно говорить, что западная часть Окско-Сурского междуречья все же подвергалась влиянию определяющих исторических событий того времени.

Специалисты в области изучения рязано-окских древностей отмечают, что в материалах первой половины IV в. н. э. фиксируется резкое увеличение черняховских импортов (пряжки, лунницы, подвески различных форм, фибулы), а также выделяются комплексы изделий западного происхожде-

ния (поясные наборы, шпоры, гривны с круглым щитком и проволоочной обмоткой концов), причем подобные находки отмечены в отдельных погребениях на могильниках Верхнего Посурья. Аналогии этим предметам обнаруживаются в пшеворских и западнобалтийских древностях. Появление данной категории артефактов И. Р. Ахмедов и И. В. Белоцерковская также связывают с попаданием рязано-окского населения в сферу политического влияния черняховского «союза» — «державы Германариха» и последовавшим за этим походом против герулов, венетов и эстий, закончившимся победой готов. По мнению исследователей, возможно, в этом походе принимали участие и местные воины, принешие в финскую среду полученные в качестве трофеев западные вещи [Ахмедов, Белоцерковская 2007: 273].

Мы не располагаем достаточным объемом материалов, чтобы принять положение о вхождении всего Окско-Сурского междуречья в состав державы Германариха. Вместе с тем, исходя из имеющихся данных, вполне вероятной представляется возможность военной активности готских отрядов на рассматриваемом направлении в целях установления контроля над торговыми путями.

Склонность германцев к действиям подобного рода зафиксирована древними авторами: «Если племя, в котором они родились, коснеет в долгом мире и праздности, то многие из знатных юношей [*по своему собственному почину*] отправляются к тем племенам, которые в то время ведут какую-нибудь войну, так как этому народу покой противен, да и легче отличиться среди опасностей, а прокормить большую дружину можно только грабежом и войной. Дружинники же от щедрот своего вождя ждут себе и боевого коня, и обогрренное кровью победоносное копье (*framea*), а вместо жалования для них устраиваются пиры, правда, не изысканные, но обильные. Средства для такой щедрости доставляют грабеж и война» [Публий Корнелий Тацит 1937: 63]. Бесспорно делая скидку на тенденциозность античного автора и принимая во внимание хронологический разрыв между написанием данного текста и рассматриваемыми выше событиями, вполне возможно экстраполировать суть описания и на анализируемую проблематику.

Учитывая отдаленность и сравнительно высокую плотность местного населения (о

чем свидетельствует значительное количество могильников, оставленных финноязычным населением), а также отсутствие памятников и отдельных погребений, которые можно было бы доподлинно соотнести с носителями черняховской культуры, следует сделать вывод, что данные военные выплески, скорее всего, не имели особого успеха.

Великое переселение народов началось с движения германских племен из Прибалтики на юг и восток, однако в роли основной движущей силы выступило перемещение огромных масс азиатских кочевников в западном направлении. Наиболее мощным из них было гуннское нашествие второй половины IV в. н. э., коренным образом изменившее облик южной части Восточной Европы. В степной полосе доминирующее положение заняли тюркоязычные племена, которые изгнали, ассимилировали либо физически уничтожили прежнее ираноязычное население, выступавшее на протяжении нескольких столетий южными соседями финно-угорских племен, заселявших лесостепную полосу.

По сообщению Аммиана Марцелина, гунны около 370 г. н. э. сломили сопротивление алан, кочевавших в прикаспийских степях вплоть до Дона, «многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе», тем самым нарастив военную силу. После этого в 371 г. н. э. под удар попали владения готского короля Германариха. Возглавляемый им союз распался, отдельные племена перешли на сторону врагов, готы в значительной части бежали в 376 г. н. э. во владения Римской империи. Подвластные готам области были опустошены, черняховская археологическая культура погибла [Артамонов 1962: 40–46].

Окско-Сурское междуречье не подверглось гуннскому вторжению, кочевники в своем движении на запад прошли гораздо южнее по степной полосе. Вместе с тем столь масштабное изменение этнополитической обстановки бесспорно скорректировало течение исторических процессов и в рассматриваемом регионе.

В частности, весьма показательным является факт резкой смены наборов бус в погребениях населения Среднего Поочья в конце IV – начале V вв. н. э., совпадающей по времени с гуннским нашествием [Румянцева 2007: 232]. Аналогичные процессы зафиксированы при изучении наборов

бус в древнемордовских погребениях. Если в III в. н. э. золоченые бусы составляли от 81 % до 100 % в составе ожерелий, то во второй половине IV – начале V вв. н. э. их число падает до 20 %, а во второй половине V вв. н. э. они окончательно заменяются ожерельями (без золоченых бус), состоявшими в основном из красных непрозрачных стеклянных [Вихляев 1977: 10–11, 44–49]. Данная категория украшений в подавляющем большинстве случаев была представлена импортированными образцами. Таким образом, существовавшие ранее торговые пути лесостепного населения с югом оказались перерезанными, впоследствии экономические связи начали перестраиваться.

Анализ материалов археологических раскопок позволяет сделать заключение об активизации миграционных процессов и на территории Окско-Сурского междуречья во второй половине IV в. н. э., что, по всей вероятности, было обусловлено крупномасштабными перекройками этнополитической карты Восточноевропейского региона, толчком к которым выступило гуннское нашествие. В. И. Вихляев отмечает, что в это время на территории расселения верхнесурских мордовских племен появляются погребальные памятники со своеобразным обрядом захоронения и вещевыми комплексами. Наиболее устойчиво они выделяются по материалам Селикса-Трофимовского могильника. Исследователь полагает, что они были оставлены выходцами из Среднего Поочья и Нижнего Примокшанья. Пришельцы со временем растворились в местной среде, однако двусторонний этнический контакт привел к трансформированию древнемордовской культуры. С конца IV в. н. э. у населения верхнего Посурья формируется новый погребальный обряд, взамен прежней вариативности вырабатывается устойчивая южная и юго-восточная ориентировка покойников головой. Трансформируется и основное этническое украшение: форма грузика височной привески меняется с биконической на бипирамидальную [Вихляев 2000: 94–97].

Исходя из имеющихся в настоящее время данных, можно полагать, что в дальнейшем на протяжении значительного времени политическая обстановка вокруг Окско-Сурского междуречья оставалась относительно стабильной вплоть до VII–VIII вв. н. э. Во второй половине VII вв. н. э. в Предкавказье формируется сильное государственное

формирование — Хазарский каганат. Оно проявляет значительную военную активность, облагает данью многие племена, в том числе проживавшие на значительном удалении. Хазарам удалось нанести ряд поражений Великой Булгарии, в результате чего данный союз племен прекратил свое существование, началась миграция болгар из причерноморских и приазовских степей, одним из направлений которой стало северное — на Волгу [Артамонов 1998: 170–180; Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998].

В сложившейся ситуации происходит существенное изменение территории расселения мордвы. Вследствие перманентной военной угрозы, исходящей с южного направления, верховья Суры и Мокши становятся непригодными для проживания. Прекращают совершаться захоронения на расположенных здесь могильниках. Заканчивают свое существование и памятники именниковской культуры в Среднем Посурье. Серединой — третьей четвертью VII в. н. э. датируется прекращение функционирования основной части памятников рязано-окских финнов [Ахмедов 2010: 7–16]. Мордовские племена переселяются в северо-западном направлении, в относительно более безопасные, лучше защищенные лесами Среднее Примокшанье, бассейн рек Вад и Цна. Данный регион заселяется весьма плотно, известно значительное количество памятников, расположенных не только у крупных рек, но и на водораздельных участках [Вихляев 2013: 163–166].

Северная граница владений Хазарского каганата установилась по верховьям Северского Донца, Оскола и Дона. Эти области были заселены аланскими племенами, мигрировавшими с Северного Кавказа под давлением арабов [Плетнева 1967: 184].

Несмотря на смену региона проживания, как свидетельствуют письменные источники, мордовские племена все же попали под политическую зависимость от каганата. В письме хазарского царя Иосифа (середина X в.) «арису» (эрзя/мордовские племена) указаны в перечне находящихся в даннической зависимости от каганата: «Ты еще настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что живу у реки, по имени Итиль <...> У (этой) реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных (стенами) городах.

Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Ари-су, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Каждый народ не поддается (точному) исследованию и им нет числа. Все они служат и платят дань» [Коковцов 1932: 98–99].

По оценке специалистов в X в. н. э. Хазарский каганат был еще значительным государством, хотя былая мощь (VIII–X в. н. э.) уже сильно пошатнулась [Артамонов 1962: 385]. Как представляется, имеются все основания доверять сведениям источника о существовании зависимости мордвы от хазар. В пользу данного предположения свидетельствует значительное количество археологического материала, зафиксировавшего наличие устойчивых культурных связей мордвы с племенами Северного Кавказа и Подонья (украшения, амулеты, вооружение, конское снаряжение, появление обряда скорченности в погребениях мордовских могильниках) [Вихляев 1974: 57–69].

В историографии существует точка зрения о том, что мордовское население, проживавшее в бассейне р. Цны, состояло в союзнических отношениях с Хазарским каганатом, прикрывая его северо-восточные границы. Аргументация данного предположения базируется на значительном количестве находок предметов престижного воинского инвентаря (богатые поясные наборы, ряд деталей конской упряжи, дорогие образцы вооружения), а также высокой доле (60 %) вооруженных мужчин среди захоронений на могильниках обозначенного географического ареала, на фоне того, что в условно «внутренних» землях мордвы — на Мокше, Ваде и Теше, в это время процент «воинских погребений» был несколько ниже [Ахмедов, Зеленцова 2016: 19–20].

Освобождение мордвы от хазарской зависимости связано с внешнеполитической деятельностью князя Святослава. В 964–965 гг. киевский князь совершает поход на Оку и Среднюю Волгу. Им было покорено племя вятичей, прежде выплачивавшее дань хазарам, а также нанесено поражение Волжской Булгарии. Далее войска руссов, спустившись по Волге, разгромили Итиль, по Каспийскому морю добрались до Семендера и, опустошив его, двинулись вдоль Кавказа на запад. По всей вероятности, под Итилем было разбито хазарское войско, возглавляемое каганом. По пути к Азовскому морю был взят Саркел [Артамонов 1962: 426–428]. Таким образом, разгром Хазар-

ского каганата был фактически тотальным.

В 966 г. Святослав совершил повторный поход на вятичей, которые, вероятно, попытались выйти из подчинения от Киева. Попытка эта оказалась безуспешной, очаг сепаратизма в Верхнем и Среднем Поочье был подавлен. Возникает вопрос о степени вовлеченности мордвы в данные события. По предположению В. А. Юрчёнкова, мордовские племена в результате договора с князем Святославом получили в его державе особый статус, чем-то напоминающий статус конфедератов в Римской империи [Юрчёнков 2012: 58].

Владимир Святославович дважды (в 981 и 982 гг.) совершал походы на вятичей, в 984 г. им были подчинены радимичи, а в 985 г. состоялся поход против булгар: «Иде Володимер на Болгары с Добрынею, с уем своим, в лодьях, а торки берегом привеле на коних: и победи Булгары» [Повесть ... 1950: 59]. По оценкам исследователей, этот поход не затронул основного ядра мордовских земель. Добрыня с новгородцами спустился в ладьях вниз по Волге, а войско Южной Руси, возглавляемое Владимиром, на конях из Киева в обход вятичей, через степи, подконтрольные временно союзным печенегам, двинулось к Волге, к месту ее сближения с Доном. В обоих случаях два русских войска прошли по окраинным землям мордвы, не встречая сопротивления [Юрчёнков 2015: 5].

Имеются материалы, на основании которых возможна постановка вопроса о существовании даннической зависимости части мордовских земель от киевских князей. Речь в данном случае идет об обнаружении двух подвесок со знаками Рюриковичей на Кельгининском могильнике, расположенном в бассейне р. Вад. По мнению большинства исследователей, подобные подвески выдавались должностным лицам, действовавшим от имени тех князей, чьи знаки изображались на подвесках, и были в ходу на территориях, находившихся в зависимости от великого киевского князя. Одна из подвесок определяется как принадлежавшая Владимиру Вячеславовичу, вторая — одному из его сыновей. Датировка артефактов — не позднее первых двух десятилетий XI в. н. э. [Вихляев 2013: 290–291].

В дальнейшем на протяжении XI–XIII вв. н. э. геополитическая ситуация в Средневолжском регионе определялась противоборством Руси и Волжской Булга-

рии за контроль над торговыми путями с востоком. Окско-Сурское междуречье оказалось в эпицентре этих событий. В условиях внешней военной угрозы происходит выделение прослойки профессиональных воинов-дружинников, появляются городища с мощными фортификационными сооружениями, отчетливо проявляется тенденция консолидации отдельных племен в крупные военные союзы, складываются предпосылки формирования раннегосударственных объединений.

В рассматриваемом хронологическом отрезке происходят изменения в расселении мордвы. Прекращают совершаться захоронения на могильниках, расположенных на Цне. Единственным известным в настоящее время погребальным памятником в бассейне этой реки является Сядемский могильник на р. Выша. Судя по данным археологии, наибольшее количество населения в западной части ареала проживания концентрировалась в Вадско-Мокшанском междуречье. На юге вновь осваивается Верхнее Посурье (Кривозерский могильник). На севере основным районом расселения мордвы являлся бассейн реки Теша. Не выявляются памятники данного времени в низовьях Суры и на правобережье Волги [Вихляев 2013: 166].

Смещение западной границы территории проживания мордовских племен следует связывать с давлением со стороны Рязанского княжества. С XII в. н. э. в Поценье появляются славянские поселения, в том числе городского типа. На левом берегу Цны в районе нынешнего села Темгенево известно городище, которое, по мнению исследователей, соотносится с известным по летописям городом Онузой (Нузлей), где, по всей вероятности, находился главный форпост на восточной границе княжества. Памятник представляет собой крупное поселение городского типа со сложной системой оборонительных укреплений. Общая площадь памятника, включая посад, достигает 10 га. XII–XIII вв. н. э. датируются материалы, полученные при обследовании на территории и в окрестностях города Кадом в Нижнем Примокшанье. Ряд исследователей относят этот город к сфере влияния не Рязанского, а Владимиро-Суздальского княжества [Челяпов, Судаков: 2000: 17–19].

Необходимо отметить, что политические отношения русских княжеств и мордовских племен западной части ареала их

проживания были союзническими. После присоединения плодородных земель в бассейне Цны и Нижней Мокши Рязанское княжество дальнейшей активности не проявляло [Зеленеев, Зеленцова 2013: 6–7]. Согласно сведениям русских летописей, предводитель южномордовского союза племен Пуреш (конец XII – начало XIII вв. н. э.) был «ротником» (вассалом) владимиросуздальского князя Юрия Всеволодовича [Документы ... 1940: 125].

Северо-восточная часть мордовских племен оказалась в орбите доминирования Волжской Булгарии. Согласно точке зрения А. В. Циркина, часть мордвы оказалась в политической и экономической зависимости от этого государства, выплачивала дань в виде воска, меда и пушнины [Циркин 1968: 25]. Однако в источниках особенности взаимоотношений мордовских племен и булгар освещаются крайне скудно, факт выплаты дани не упоминается. Исходя из имеющихся данных, скорее, можно говорить о существовании военного союза, своего рода вассалитете, близком по сути установленному между Пурешем и Юрием Всеволодовичем.

В перманентной череде военных столкновений Руси и Булгарии, согласно данным летописей, предводитель северомордовского союза племен Пургас выступал на стороне булгар, которые в свою очередь также оказывали ему помощь [Лаврентьевская ... 1927: 451]. Очень показателен факт прямого военного столкновения двух мордовских союзов племен, произошедший в 1229 г.: «...Того же лета [1229] победи Пургаса Пурешев сын с половци, и избил мордву всю и русь Пургасову, а Пургас едва вмаде утече...» [Документы ... 1940: 126]. По мнению С. В. Святкина, эта битва произошла в южных областях мордовских земель. В пользу данного предположения свидетельствует упоминание половецкой конницы, которая могла полностью реализовать свой потенциал только на открытых лесных пространствах, а не в покрытых густыми лесами владениях Пургаса. Поход Пургаса мог быть мотивирован мстью за участие «Пурешева сына» на стороне русских в войне с ним. Упомянутый в источнике термин «русь Пургасова» трактуется исследователем как обозначение военной дружины мордовского инязора, состоявшей из разноэтнических наемников [Святкин 2001: 106].

Таким образом, к XII – началу XIII вв. мордва оказалась объединена в два крупных

союза племен с разной политической ориентацией (на ближайший центр политической, экономической и военной силы), что, в свою очередь, выступило определяющим фактором сложения двух субэтносов мордовского народа — мокши и эрзи.

В свете вышеописанных событий встает вопрос о степени развития процессов политогенеза у мордовских племен, равно как и о границах упоминаемой в русских летописях «Пургасовой волости». Он имеет богатую историографию [Беговаткин 2008: 27–37; Юрчёнков 2014: 4–11] и требует отдельного исследования. Наиболее удачным представляется термин «раннефеодальное политическое объединение». В условиях внешней военной опасности родоплеменные отношения начали трансформироваться. Источники фиксируют существование крупных союзов племен, возглавляемых единоличными верховными правителями, частые боевые действия предопределяли необходимость существования постоянных профессиональных военных формирований, известны крупные укрепленные поселенческие памятники, своего рода оборонительные оплоты. Вместе с тем говорить о существовании государства в классическом его понимании с регулярным систематизированным административным аппаратом исходя из объема данных, который имеется в настоящее время, не приходится.

Подводя итог, можно сделать заключение о том, что Окско-Сурское междуречье, историческая область проживания мордвы, на протяжении всего рассматриваемого хронологического периода прямо или косвенно испытывало влияние наиболее значимых политических процессов того времени. Основные события эпохи Великого переселения народов (до рубежа VII–VIII вв. н. э.) проходили сравнительно далеко, однако совокупность масштабных перемещений древнего населения повлияла на торгово-экономические связи, дала импульс микромиграциям внутри региона. В VIII–X вв. н. э. определяющее влияние на рассматриваемую область оказывал Хазарский каганат. Это выражалось в торговых, этнокультурных, вероятно, и политических связях. В XI–XIII вв. н. э. Окско-Сурское междуречье стало ареной борьбы крупных государств — русских княжеств и Волжской Булгарии. Таким образом, из периферийной области оно стало местом важных событий истории Восточной Европы.

Литература

- Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. К реконструкции исторических процессов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Раннеславянский мир. М.: Институт археологии РАН, 2007. Вып. 9. С. 273–275.
- Ахмедов И. Р., Зеленцова О. В. Мордва в эпоху Ибн Фадлана // Мат-лы круглого стола, посвящ. книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 17–26.
- Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Вып. 13. М.: Институт археологии РАН, 2010. С. 7–16.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: СРФ «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.
- Беговаткин А. А. Проблема Пургасовой волости в историографии // Центр и периферия. 2008. № 2. С. 27–37.
- Белоцерковская И. В. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы в древности и современности. Саранск: Историко-социологическ. ин-т, 1999. С. 37–43.
- Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордовск. гос. ун-т, 1977. 99 с.
- Вихляев В. И. Культурные связи сурско-циннской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н. э. // Труды Мордовского научно-исследовательского института язык, литературы, истории и экономики. Вып. 45. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1974. С. 57–69.
- Вихляев В. И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. 132 с.
- Вихляев В. И. Политические и культурные взаимоотношения мордвы и Российского государства в X–XVI вв. // В тесном соседстве: мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства. Саранск: тип. изд-ва Мордовск. гос. ун-та, 2013. С. 288–295.
- Вихляев В. И. Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 162–170.

- Гришаков В. В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи: мат-лы науч. конф. Пенза: [б. и.], 2008. С. 99–105.
- Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I / под ред. Института истории АН СССР. Саранск: Мордовск. гос. изд-во, 1940. 432 с.
- Зеленев Ю. А., Зеленцова О. В. Этапы развития и территория средневековой мордвы по данным археологии // Центр и периферия. 2013. № 1. С. 4–11.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: АН СССР, 1932. XXXVIII, 134 с.
- Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 379 с.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтовомаяцкая культура). М.: Наука, 1967. 200 с.
- Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 407 с.
- Публий Корнелий Тацит. Германия // Древние германцы. Сб. док-тов / сост. Б. Н. Граков, С. П. Моравский и др. М.: Гос. изд-во соц.-экономич. лит-ры, 1937. С. 55–82.
- Румянцев О. С. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: Институт археологии РАН, 2007. С. 213–245.
- Святкин С. В. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н. э. Саранск: лаб. множит. техники Мордовск. гос. пед. ин-та, 2001. 147 с.
- Ставицкий В. В. Изделия с выемчатыми эмальми с древнемордовских и рязано-окских могильников // Центр и периферия. 2012. № 3. С. 30–38.
- Циркин А. В. Русско-мордовские отношения в X–XIV вв. Саранск: [б. и.], 1968. 111 с.
- Челяпов В. П., Судаков В. В. К вопросу о восточной границе Рязанского княжества в XII–XIII вв. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск: [б. и.], 2000. С. 17–29.
- Шитов В. Н. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Мат-лы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. С. 53–54.
- Юрчёнков В. А. Начертание мордовской истории. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 611 с.
- Юрчёнков В. А. Пургасова волость: проблемы политогенеза у мордвы в историографии // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 4–11.
- Юрчёнков В. А. Русь и мордва в эпоху князя Владимира (конец X – начало XI в.) // Центр и периферия. 2015. № 1. С. 4–9.

References

- Artamonov M. I. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. Leningrad, State Hermitage Press, 1962, 523 p. (In Russ.).
- Akhmedov I. R., Belotserkovskaya I. V. *K rekonstruktsii istoricheskikh protsessov* [About reconstructions of historical processes]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. Ranneslavyanskiy mir* (Eastern Europe in the Mid-1st Millennium AD. The Early Slavic World). Moscow, Institute of Archeology (RAS) Press, 2007, iss. 9, pp. 273–275 (In Russ.).
- Akhmedov I. R., Zelentsova O. V. *Mordva v epokhu Ibn Fadlana* [The Mordvins in Ibn Fadlan's era]. *Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo knize Ibn Fadlana, ego epokhe i arkheologicheskim kollektsiyam* (Materials of the round table discussing Ibn Fadlan's book, his epoch and archaeological collections). Kazan, Märcani Institute of History (Acad. of Sc. of the Republic of Tatarstan) Press, 2016, pp. 17–26 (In Russ.).
- Akhmedov I. R. *Problema «final'nogo» perioda kul'tury ryazano-okskikh finnov (k sovremennomu sostoyaniyu voprosa)* [The problem of the 'final' period of Ryazan-Oka Finnish culture (about the current state of the topic)]. *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v I tysyacheletii n. e. Problemy i materialy. Ranneslavyanskiy mir* (Archaeology of Eastern Europe in the mid-1st Millennium AD. Problems and Materials. The Early Slavic World), Moscow, Institute of Archeology (RAS) Press, 2010, iss. 13, pp. 7–16 (In Russ.).
- Bagautdinov R. S., Bogachev A. V., Zubov S. E. *Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya)* [Proto-Bulgarians in the Middle Volga (the earliest history of the Volga-Kama Tatars)]. Samara, Polden. XXII vek Publ., 1998, 286 p. (In Russ.).
- Belotserkovskaya I. V. *Verkhneokskie elementy v kul'ture ryazano-okskikh mogil'nikov* [Verkhneoksk elements in the culture of Ryazan-Oka burials]. *Issledovaniya P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy v drevnosti i sovremennosti* [P. Stepanov's studies and ethnocultural processes in ancient and present times]. Saransk, History and Sociology Institute Press, 1999, pp. 37–43 (In Russ.).

- Vikhlyaev V. I. *Drevnyaya mordva Posur'ya i Primokshan'ya* [The ancient Mordvins of the Sura and Moksha River valleys]. Saransk, Mord. State Univ. Press, 1977, 99 p. (In Russ.).
- Vikhlyaev V. I. *Kul'turnye svyazi sursko-tsninskoy mordvy s alanskimi plemenami Severnogo Kavkaza i Dona vo vtoroy polovine I tys. n. e.* [Mordvins of the Sura and Tsna River valleys and Alans of the North Caucasus and Don: cultural contacts in the latter half of the 1st millennium AD]. *Trudy MNIIYaLIE* [Transactions of the Mord. Inst. of Language, Literature, History and Economics], Saransk, Mord. Book Publ., 1974, iss. 45, pp. 57–69 (In Russ.).
- Vikhlyaev V. I. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoy kul'tury* [Origins of the ancient Mordvinian culture]. Saransk, Krasnyy Oktyabr Publ., 2000, 132 p. (In Russ.).
- Vikhlyaev V. I. *Politicheskie i kul'turnye vzaimootnosheniya mordvy i Rossiyskogo gosudarstva v X–XVI vv.* [Political and cultural relations between the Mordvins and the Russian state in the 10th–16th cc.]. *V tesnom sosedstve: mordovskiy narod v istorii i kul'ture mnogonatsional'nogo Rossiyskogo gosudarstva* (In Close Neighborhood: the Mordvinian people in the history and culture of the multinational Russian state). Saransk, Mord. State Univ. Press, 2013, pp. 288–295 (In Russ.).
- Vikhlyaev V. I. *Rasselenie mordvy v III – nachale XIII vv.* [Settling of the Mordvians in the 3rd – the early 13th centuries]. *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga Region Archeology), 2013, No. 2 (4), pp. 162–170 (In Russ.).
- Grishakov V. V. *Usloviya i faktory formirovaniya lokal'nykh traditsiy v drevnemordovskoy kul'ture* [Conditions and factors for the formation of local traditions in the ancient Mordovian culture]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: materialy nauch. konf.* (Archaeology of the Eastern European Forest Steppe: proc. of scientif. conf). Penza, 2008, pp. 99–105 (In Russ.).
- Dokumenty i materialy po istorii Mordovskoy ASSR. Tom I. pod red. Instituta istorii AN SSSR* [Documents and materials on the history of the Mordovian ASSR]. Saransk, Mordovian State Univ. Press, 1940, 432 p. (In Russ.).
- Zeleneev Yu. A., Zelentsova O. V. *Etapy razvitiya i territoriya srednevekovoy mordvy po dannym arkheologii* [Stages of development and territories inhabited by the medieval Mordvins: evidence from archaeological surveys]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2013, No. 1, pp. 4–11 (In Russ.).
- Pletneva S. A. *Ot kocheviy k gorodam (saltovomayatskaya kul'tura)* [From nomadic lifestyle to cities (Saltovo-Mayaki culture)]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 200 p. (In Russ.).
- Povest' vremennykh let. Chast' pervaya. Tekst i perevod. pod red. V. P. Adrianovoy-Peretts* [The Tale of Past Years. Chapter 1. Text, transl., edit. by V. Andrianova-Peretz]. Moscow-Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1950, 407 p. (In Russ.).
- Publius Cornelius Tacitus. *Germaniya* [Germany]. *Drevnie germantsy. Sb. dok-tov. Sost. B. N. Grakov, S. P. Moravskiy i dr.* [The Ancient Germans. Collected documents. Comp. by B. Grakov et al.]. Moscow, State Publishing House of Social and Economic Literature, 1937, pp. 55–82 (In Russ.).
- Rumyantseva O. S. *Busy massovykh tipov* [Beads of most popular types]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e. Ranneslavianskiy mir* (Eastern Europe in the Mid-1st Millennium AD. The Early Slavic world). Moscow, Institute of Archaeology (RAS) Press, 2007, iss. 9, pp. 213–245 (In Russ.).
- Kokovtsov P. K. *Evreysko-khazar'skaya perepiska v X veke* [Jewish-Khazar correspondence in the 10th century]. Leningrad, USSR Acad. of Sc. of USSR Press, 1932, XXXVIII, 134 pp. (In Russ.).
- Svyatkin S. V. *Vooruzhenie i voennoe delo mordovskikh plemen v pervoy polovine II tys. n.e.* [Armament and military affairs of the Mordvinian tribes in the first half of the 2nd millennium AD]. Saransk, Mord. State Pedagogical Univ. Press, 2001, 147 p. (In Russ.).
- Begovatkin A. A. *Problema Purgasovoy volosti v istoriografii* [Purgasova volost in historiography]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2008, No. 2, pp. 27–37 (In Russ.).
- Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1.* (Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1.). Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1927, Iss. 2, 379 p. (In Russ.).
- Stavitsky V. V. *Izdeliya s vyemchatymi emalyami s drevnemordovskikh i ryazano-oksikh mogil'nikov* [Wares with emarginate enamels from ancient Mordovian and Ryazan-Oka burials]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2012, No. 3, pp. 30–38 (In Russ.).
- Tsirkin A. V. *Russko-mordovskie otnosheniya v X–XIV vv.* [Russian-Mordovian relations in the 10th–14th cc.]. Saransk, 1968, 111 p. (In Russ.).
- Chelyapov V. P., Sudakov V. V. *K voprosu o vostochnoy granitse Ryazanskogo knyazhestva*

- v XII–XIII vv. [About the eastern frontier of Ryazan Principality in the 12th–13th cc.]. *Povolzhskie finny i ikh sosedi v epokhu srednevekov'ya (problemy khronologii i etnicheskoy istorii)* [The Volga Finns and their neighbors in the Middle Ages]. Saransk, 2000, pp. 17–29 (In Russ.).
- Shitov V. N. *Rasselenie drevney mordvy (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Mordvin-inhabited territories (evidence from burial monuments)]. *Finno-ugorskiy mir: istoriya i sovremennost': materialy II Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* [The Finno-Ugric World: History and Modernity. Proc. of Finn-Ugric Scientif. conf.]. Saransk, Krasnyy Oktyabr Publ., 2000, pp. 53–54 (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Nachertanie mordovskoy istorii* [Outlining the history of Mordovia]. Saransk, Humanities Research Institute Press, 2012, 611 p. (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Purgasova volost': problemy politogeneza u mordvy v istoriografii* [Purgas Volost: politogenesis problems of the Mordvins in historiography]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2014, No. 1, pp. 4–11 (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Rus' i mordva v epokhu knyazya Vladimira (konets X – nachalo XI v.)* [Rus' and the Mordvins in the years of Vladimir the Great (the late 10th – early 11th cc.)]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2015, No. 1, pp. 4–9 (In Russ.).

УДК 902

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ОКСКО-СУРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1-го — ПЕРВОЙ ТРЕТИ 2-го тыс. н. э.

Евгений Николаевич Кемаев¹

¹ научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется место Окско-Сурского междуречья в этнополитической системе Восточной Европы, исторической области проживания мордвы. На основании обобщения имеющихся данных письменных источников, материалов археологических раскопок и достижений историографии выделяются периоды истории мордвы, на протяжении которых складывались относительно стабильные взаимоотношения политической, экономической и этнокультурной ситуации, определявшие ход исторических процессов в рассматриваемом регионе. Основные события эпохи Великого переселения народов (до рубежа VII–VIII вв. н. э.) проходили сравнительно далеко, однако совокупность масштабных перемещений древнего населения повлияла на торгово-экономические связи, дала импульс микромиграциям внутри региона. В VIII–X вв. н. э. определяющее влияние на рассматриваемую область оказывал Хазарский каганат. Это выражалось в торговых, этнокультурных, вероятно, и политических связях. В XI–XIII вв. н. э. Окско-Сурское междуречье стало ареной борьбы крупных государств — русских княжеств и Волжской Булгарии. Таким образом, из периферийной области оно стало местом важных событий истории Восточной Европы.

Ключевые слова: мордовские племена, Окско-Сурское междуречье, Великое переселение народов, Хазарский каганат, русские княжества, Волжская Булгария.